

Глава 1

Петербург, 1889

Ю

велир Зельд Сегалович, высокий пятидесятилетний мужчина с брылами на смуглых щеках, называемыми в народе «собачьими радостями» и действительно делавшими его похожим на бульдога, впрочем, очень добродушного, пробежал пальцами по длинному хрящеватому носу и тяжело вздохнул. Филиал парижской компании, который он открыл в Петербурге несколько лет назад и который позволял ему снабжать драгоценностями «сливки общества», трещал по швам. Черная полоса — так, кажется, говорят в таких случаях, мол, потом обязательно наступала белая, ибо жизнь полосатая, как зебра. Однако бедняга ювелир не верил в белую полосу. Только-только о нем заговорили в столице, высокопоставленные клиенты рекомендовали его не менее высокопоставленным друзьям, и одно время он даже подумывал о расширении бизнеса. Все рухнуло в один день, нищета издалека уже протягивала к нему свои костлявые когтистые пальцы. Еще немного, и придется проститься с сытой беззаботной жизнью. Зельд с горечью подумал, что они с женой к этому готовы, они знавали горькие дни, когда едва хватало на хлеб. Но вот дети... Два его отпрыска никогда ни в чем не знали отказа, учились в лучших пансионах

столицы. *Что же будет с ними? Что будет с любимой дочерью, красавицей Оленькой, привыкшей к роскоши?*

Ювелир застонал, сжал холодными ладонями горевшую голову и быстро прошел в кабинет, попросив прислугу пригласить его жену Марту.

Его супруга, угловатая, сухопарая, с резкими чертами лица, носом-клювом и черными как вороново крыло волосами, собранными в высокую прическу, появилась на пороге и взглянула в воспаленные глаза мужа. Она сразу все поняла.

— Это... Это произошло? — тихо спросила женщина и тяжело опустилась на стул с высокой кожаной спинкой. — Мы разорены?

Он замялся:

— Марта, надо подождать... Год, два, три. Черт его знает сколько. Но мы выкарабкаемся. Я уверен.

Женщина опустила голову, и обвисшая (она похудела от переживаний за считанные дни) кожа собралась в гармошку на впалых щеках с красными пятнами.

— Я тебя понимаю, Зельд, но что будет с детьми? Меня беспокоит Оленька. Ты в курсе, что за ней все-раз ухаживает сын князя Раховского? Если родители узнают, что она бесприданница, то сделают все, чтобы разлучить их.

Ювелир поднялся, подошел к жене и прижал ее голову к своему круглому животу.

— Успокойся, Марта. Если этот молодой человек любит ее, возьмет и без приданого. И тогда никто ни за что на свете не разлучит их. Если же князя нацелились на богатство — что ж, тогда моей дочери лучше как можно скорее расстаться с этим хлыщом.

Марта подняла голову и посмотрела на мужа:

— К сожалению, деньги в обществе играют не последнюю роль. Кому, как не тебе, это знать. Бедная моя

девочка! Кто из нас возьмет на себя смелость сказать ей, что она бесприданница?

По морщинистой щеке покати́лась слеза. Зельд аккуратно вытер лицо жены шелковым платком и попытался ее утешить:

— Ну, пока я не считаю нужным говорить дочери, что она бесприданница и что это как-то повлияет на ее брак. Может быть, все образуется. Как ты думаешь?

— Я буду молчать, — согласилась супруга, поднимаясь и прислушиваясь к звуку колокольчика. — Вот, кажется, и она. — Марта мельком взглянула на огромные настенные часы с хриплогосой кукушкой — подарок ее покойной матери на свадьбу. — Занятия в пансионе уже давно закончились. Наверное, опять пропала в парке со своим ухажером. — Она постаралась улыбнуться, но у нее получилась лишь скорбная гримаса. — Пойдем, Зельд. Пора обедать. И держись, прошу тебя.

Он покорно наклонил голову, и женщина, одернув длинное темно-коричневое платье, направилась к двери и открыла ее, не заметив, что двенадцатилетний сын Марк, как испуганный олененок, метнулся быстрее молнии в конец коридора.

Красавица Оленька, с румяными от мороза щеками, улыбаясь, подошла к матери. Несколько секунд Марта любовалась высокими скулами, пухлыми губами и чуть раскосыми черными, в обрамлении густых загнутых вверх ресниц, глазами дочери. Да, Оленька настоящая красавица, достойная носить титул графини или княгини. Марта боялась признаться, что она любила старшую дочь больше, чем сына, когда та была маленькой, всюду таскала ее за собой, рассказывала ей сказки, одевала, как куклу, разучивала романсы, произносила нескончаемые монологи, полные теплоты и нежности. Будущая

жизнь девочки представлялась ей в самом радужном свете. Марта мечтала о том, что Оленька выйдет замуж за титулованную особу и добьется того, чего не удалось добиться ей — блестящего положения в обществе. И вот, когда мечта была так близка к осуществлению...

— *Мамочка, — ничего не подозревавшая Оля прижалась к теплому плечу матери холодной розовой щечкой, — если бы ты знала, как хорошо на улице! Снежок такой мягкий, пушистый! Деревья в парке как невесты — все в белом. А воздух! О, это что-то невероятное!*

— *Опять гуляла после занятий, проказница? — усмехнулась Марта и погладила такие же иссиня-черные, как у нее, волнистые волосы дочери. — С Мишелем Раховским?*

— *Ну да. — Оленька расхохоталась. — Мамочка, мне кажется, что скоро Мишель сделает мне предложение.*

Марта сжала ее пальчики.

— *Ты очень любишь его?*

— *Очень, — призналась дочь. — И очень хочу стать его женой. Мамочка, можно я сразу скажу «да», если он сделает мне предложение? Это не будет моветоном, верно?*

Мать сжала губы, нервно слотнула:

— *Да, конечно, только... Ты уверена, что он собирается его делать?*

Оленька хлопнула в ладоши и капризно надула пухлые губы, как бы удивляясь вопросу родного человека:

— *Мамочка, ну разумеется.*

Марта отвернулась и смахнула слезу:

— *Тогда все в порядке, доченька. Иди переодевайся к обеду.*

Легкая, как птичка, Оленька впорхнула к себе в комнату и, стащив нарядное платье, натянула другое, домашнее, серое и скромненькое, покрутилась перед овальным зеркалом и осталась довольна собой.

— Хороша, ах как хороша! — сообщила она своему отражению. Когда кто-то тихо постучал в дверь, девушка звонко и радостно крикнула: — Входите!

Черноглазый, смуглый, как галчонок, с длинным острым, как у матери, носом, Марк протиснулся в комнату сестры.

— Оля, к тебе можно?

— Конечно, — откликнулась сестра, не в силах оторвать взгляд от своего отражения. — Проходи.

Мальчик подошел к стулу с высокой спинкой и влез на него, поглядывая на сестру. И Оля, и родители замечали, что у Марка был недетский, очень серьезный взгляд, он словно буравил людей и предметы глазенками-черносливами.

— Ты что хотел? — бросила Оля, расчесывая шикарные волосы — нехитрое, но богатое украшение к скромному платью.

— Оля, а что такое бесприданница? — выпалил мальчик, серьезно, не по-детски посмотрев на сестру.

Оленька покусывала губы, чтобы сделать их ярко-красными — мама не разрешала пользоваться помадой.

— Где ты это услышал, Марк?

— Папа и мама говорили о тебе и произносили это слово. — Марк принялся болтать ногами и сопеть. — Что это означает?

Девушка застыла на месте, ее розовые свежие щеки побледнели.

— Говорили обо мне? Ты уверен? Откуда ты знаешь?

— Я подслушивал. — Мальчик смутился и опустил голову.

— Подслушивал? — Оля нахмурила брови. — Зачем? Тебе известно, что это некрасиво. — Ее голосок оборвался, как прерванная мелодия. — Впрочем, ладно, подслу-

шал и подслушал. Один раз можно. — Она присела возле ребенка и погладила его по жидким волосам. — Марик, милый, скажи, о чем говорили папа с мамой.

— Мама боялась, что Мишель не возьмет тебя в жены, а папа уверял, что возьмет, если любит, — выпалил Марк.

Оля прерывисто задышала, ноздри тонкого маленького носа раздулись. Теперь она поняла, почему мама так печально смотрела на нее, когда она, радостная, предвкушавшая объяснение в любви и предложение руки и сердца, поверяла ей свои тайны. Но как получилось, что их семья осталась без денег? Неужели папа разорился? Да нет, не может быть, он такой успешный ювелир... Только в его салоне самые дорогие украшения... И весь Санкт-Петербург... Она сжала кулаки и побледнела. В жизни бывает всякое. Богатые и успешные тоже разоряются. Она знала, чувствовала, что в их семье что-то происходило. Напряжение будто витало в воздухе, но Оля гнала от себя грустные мысли. Упоенная любовью, она многое не хотела замечать. Девушка задрожала и без сил опустилась в кресло, закрыв лицо руками. Марк вскочил со стула и подбежал к сестре:

— Оля, тебе плохо?

— Марк, милый, — Оля отняла руки от хорошенького скуластого личика, залитого слезами, — пожалуйста, иди в гостиную. Я скоро выйду к обеду.

Мальчик на мгновение обнял ее тонкими ручонками и убежал. Оля встала, подошла к зеркалу, разглядывая тонкое бледное лицо, чтобы еще раз убедиться в своей привлекательности. На белоснежной коже лихорадочно блестящие черные глаза казались огромными бездонными ямами.

«Я красива, — подумала девушка, — Мишель не бросит меня, я в этом уверена. Да, да, во-первых, он поряточный человек, офицер, во-вторых, папа прав: он любит

меня. Даже если мы остались без денег, это не повод, не повод, чтобы бросить меня».

Эта мысль ее успокоила, девушка задышала ровнее, на щеках показался румянец. Завязав в конский хвост роскошные волосы, она побежала в гостиную. Горничная уже накрыла стол, и глава семьи в ожидании дочери нервно постукивал пальцами по белоснежной скатерти.

— Папочка, мамочка, извините, я задержалась. — Стараясь не показать волнения, Оля звонко чмокнула Марту и, подбежав к отцу, обняла его и села рядом. — Что у нас сегодня на обед? Как вкусно пахнет! О, моя любимая фаршированная рыба!

Девушка положила на тарелку кусок рыбы и немного картофеля и принялась есть, медленно, чинно и аккуратно, оставив мизинец, как учила ее мать. Она заметила, что отец искоса поглядывал на нее, ждала, что он что-нибудь спросит, но ювелир молчал. Иногда его худое лицо искажала болезненная гримаса, но он тут же наклонял голову, чтобы родные не заметили его страдания. Мысль о разорении не давала ему покоя, жгла раскаленным железом, и Сегалович не знал, не представлял, как обеспечить родным достойную жизнь. Конечно, если бы Оленька вышла замуж за Раховского, многое бы разрешилось. Сын князя вряд ли позволит голодать семье своей жены.

Марте, сидевшей напротив него, тоже кусок не шел в горло, но она старалась этого не показывать. Оленька же была на удивление спокойна. Вспоминая свое отражение в зеркале, без лести говорившее, словно волшебное зеркало из сказки, что прекрасней ее нет никого на свете, она все больше и больше укреплялась в мысли, что Мишель ее не оставит. Он такой честный, благородный и невероятно красивый! Едва покончив с обедом, девушка вскочила и улыбнулась:

— Папочка, мамочка, извините. Мишель пригласил меня в городской сад.

— На каток? — поинтересовался Марк с набитым ртом. — Сестрица, будь другом, возьми меня с собой.

— Не могу, Марик. — Оля дружески подмигнула брату. — Ты же понимаешь...

— Тили-тили-тесто! — крикнул мальчик и чуть не свалился со стула от смеха.

— Иди, иди, дорогая, — поторопил ее отец. — Катание — это прелесть. Сами когда-то баловались, помнишь? — Он нежно улыбнулся жене, и Марта покраснела.

— Какие вы у меня хорошие! — Счастливая Оленька прижала руки к груди и выпорхнула в коридор. Заскочив в свою комнату, она быстро переделалась, схватила коньки в прихожей и бросилась на свидание с любимым.

Глава 2

Наши дни

Слесарь РЭПа Южноморска, шестидесятилетний Павел Зимин, получивший у местных алкашей прозвище Зяма, в теплый июньский воскресный день приговорив утреннюю порцию горячительного, почувствовал желание излить кому-то душу. Им часто овладевала потребность пообщаться с кем-нибудь, порой даже неважно с кем. Кто попадется под руку — тот и друг, тому он и расскажет, как мерзкая женушка, с которой они не развелись официально, но вместе не жили уже добрый десяток лет, не пускает на порог, чтобы увидеться с внуками, не дает денег, когда он страдает похмельем, и вообще стерва, каких свет не видывал. Потом, щедро полив жену грязью, он переходил к начальству, никог-

да его не ценившему и постоянно грозившему увольнением. В такие минуты Зяма начинал ораторствовать, клеймить позором всех и вся, обещал уволиться с работы, не дававшей нормальные средства к существованию, но обычно дальше разглагольствований дело не шло. Наутро он отправлялся в РЭП, выслушивал отповедь начальника и, с вожделием думая о запотевшей бутылке, ждавшей его в холодильнике, с неохотой шел по вызовам. По воскресеньям Павел начинал пить с девяти утра, в десять уже был, как говорят, «готовенький» и жаждущий общения.

Отодвинув стакан, Зяма подошел к окну, поглядел на свой заброшенный огород, на соседский забор сотрудника краеведческого музея Игоря Илларионова, такого же, как и он, одинокого, полгода назад похоронившего жену, и решил навестить его. Илларионов, пожалуй, был из тех немногих людей, кто жалел беспутного Зяму, всегда ссужал его деньгами и не отказывался поговорить. После смерти жены никогда не выпивавший Игорь стал составлять Павлу компанию, иногда не только слушая соседа, но и рассказывая о своих проблемах. И ему становилось легче, во всяком случае, он сам так говорил. Поистине водка творит чудеса!

Зяма хлопнул по подоконнику с облупившейся белой краской и пошел к двери. В голове рисовалась радужная картинка. Сейчас он навестит соседа, и они выпьют и поболтают по душам. Мужчина сунул ноги в старые-престарые шлепки и, забыв закрыть дверь, бодро пошел на участок Илларионова, думая, что не видел соседа уже дня три.

Обычно летом Игорь часто возился в своем огороде (после смерти жены он продолжал ухаживать за деревьями, а весной посадил помидоры и огурцы, навер-

ное, только для того, чтобы отвлечь себя от грустных мыслей, от одиночества — детей у супругов не было). Ухоженный одноэтажный домик краеведа выглядел каким-то грустным и заброшенным, и Зяма подумал, что, возможно, Игорь уехал куда-нибудь, в какой-нибудь санаторий, не сказав ему ни слова.

Павел толкнул калитку, и она, на его удивление, отворилась. Удивленный Зяма прошел на участок, осторожно ступая по выложенной битым кирпичом тропинке, и, оказавшись на крыльце, постучал в дверь.

Обычно Игорь открывал почти сразу, словно радуясь любому гостю, а теперь медлил. Скорее всего, его действительно не было дома. Однако Зяма не хотел сдаваться и подергал дверь. Она оказалась запертой.

«Черт, наверное, действительно куда-то укатил, — подумал Зимин с неудовольствием. — Ладно, придется идти на соседнюю улицу, к старому другу Ваньке». У Ваньки, правда, была сварливая жена, и когда она грозилась выдрать Зяме последние волосы, он вызывал друга во двор побазарить. Ванька составлял ему компанию до тех пор, пока его мегера не появлялась на горизонте со сковородой, тогда Зимин поспешно ретировался. Иногда мегера уходила по магазинам, на шопинг, как выражался друг, и тогда друзья напивались до поросячьего визга. Может быть, сегодня повезет и она опять потащится на свой шопинг? Зяма улыбнулся, спустился с чисто выметенного крыльца, ступил было на дорожку, но в последнюю минуту какая-то сила подтолкнула его к окну, и, придвинув ящик, одиноко стоявший возле старой сливы, слесарь забрался на него и припал к стеклу.

— Матушка моя! — Он чуть не свалился с ящика, замахал руками, чудом удержавшись, как заправский

канатоходец, спрыгнул, побежал по дорожке, размахивая руками. Увидев соседку, тетю Клаву, полную степенную женщину с двумя кошелками, он закричал что было мочи:

— Полицию вызывай, быстрее, старая. Полицию!

Тетя Клава дернулась от испуга, охнула, уронила сумки и чуть не села в серую пыль.

— Что орешь, алкаш? — напустилась она на Зяму, белого как мел. — Что людей пугаешь, придурок?

— Там... — Длинный желтый ноготь с траурной каймой вытянулся в сторону дома Илларионова. — Там Игорь. Он... того... Мертвый.

— Да что ты городишь? — Клава вдруг осеклась и прошептала: — То есть как мертвый?

— Мертвее не бывает, — буркнул Зяма, шмыгая вислым красным носом. — Будешь вызывать полицию или нет? У меня городской за неуплату отключили.

— Иду, Паша, иду. — Женщина засеменила, как утка, тяжело переваливаясь с ноги на ногу. Кинув сумки на крыльцо, она побежала к телефону и, набрав две всем известные цифры, заорала в трубку:

— Полиция? Немедленно приезжайте.

Глава 3

Санкт-Петербург, 1889

Каток Таврического сада был самым популярным у золотой молодежи Санкт-Петербурга. Старожилы рассказывали, что когда-то Александр Второй решил устроить своим подрастающим сыновьям небольшое развлечение — залить каток в Таврическом саду. Но не только молодые князья проводили здесь время. К ним, как